

К ВОПРОСУ О МАРГИНАЛИЗАЦИИ БАНЩИКОВ, ЦИРЮЛЬНИКОВ И ХИРУРГОВ-РЕМЕСЛЕННИКОВ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)**Е.Н. Сурта, БГПУ (Минск)**

Изучение процессов маргинализации и стигматизации является важным для понимания эпохи Позднего средневековья. При этом следует учитывать, что процессы маргинализации не образовывали инвариантную и неизменную систему, а изменялись в ходе исторического времени, порождались определёнными условиями, которые не всегда поддаются чёткому описанию, и при изменяющихся общественных отношениях усиливались, уменьшались или заменялись другими формами. Феномен маргинализации в большей или меньшей степени затрагивал различные социальные слои позднесредневекового западноевропейского общества: криминальные элементы, людей с физическими отклонениями, иноверцев и нацменьшинства, а также представителей так называемых позорных, не статусных профессий. Все они подвергались различным формам правовой и социально-бытовой дискриминации.

Данная статья фокусирует своё внимание на особенностях процесса социальной стигматизации в корпоративно-ремесленной среде позднесредневековых немецких городов таких профессиональных групп как банщики и цирюльники. Вопрос о социальном статусе представителей данных профессий связан с тенденциями стратификации и консолидации, охватившими городское ремесло, которое в период XIV- XV вв. переходит к усиленной фиксации иерархического порядка между цехами и к иерархической градации внутри каждого отдельного цеха. Это сопровождалось выделением ремёсел, которым в ряде регионов не удавалось получить цеховые права. Такие ремесленники хотя и не принадлежали к маргинальным группам в полном смысле этого слова, так как они не считались бесправными, но по своему социальному положению находились на одной из нижних ступеней социальной шкалы.

Для периода Позднего средневековья для обеих указанных профессиональных групп (банщиков и цирюльников) имеются свидетельства о том, что они относились к так называемым «бесчестным» и пользующимся дурной славой профессиям и тем самым находились под угрозой стигматизации и маргинализации социальным окружением. В немецкой литературе по социальной истории для обоснования этого не в последнюю очередь указывалось на сомнительное социальное происхождение банщиков и цирюльников, приравнивавшихся к разменивающим честь шпильманами, за которых не полагался вергельд. [5, с. 64] При этом признаками маргинализации данных профессиональных групп обычно были три основных фактора.

Во-первых, как людям с сомнительной репутацией банщикам и цирюльникам в некоторых местностях было запрещено ношение оружия, в том числе длинных ножей и мечей под угрозой уплаты штрафа. [2, с. 271; 21, с.134]

Во-вторых, им был закрыт доступ в отдельные братства или цеховые ремесленные корпорации. Об этом, например, свидетельствуют статуты братства Св. Креста и Святой Троицы в Риге 1262 года, в которых говорится, что ни ткачи, ни банщики, ни цирюльники и ни их родственники не могут быть приняты в братство, а также не могут быть приглашены в качестве гостей к гильдейским трапезам. Подобный статус подтверждают и свидетельства о рождении, в которых удостоверяется, что тот или иной человек не был рождён банщиками. Так, например, аббат Винцент из Альтен-Целля в 1431 году выдал молодому ткачу шерсти Никелю Шметцеру из Росвейна свидетельство о рождении, в котором среди прочего также подтверждалось, что он не был рождён ни шпильманами, ни банщиками, ни пастухами, ни льноткачами, ни требующими оплаты певцами и фиглярами. [21, с. 134-135] В 1443 аббат Йохан подтверждает Петеру Брютигаму, что он рождён людьми, которые не являются ни банщиками, ни чадрами, ни живодёрами, ни другими подобными людьми, которых не принимают в честное ремесло. [21, с. 134-135]

Однако при этом ситуация не была столь однозначной. Если в некоторых регионах банщики относились к так называемым «бесчестным» профессиям, не имевшим права или, которым было запрещено, объединяться в цехи, то в других регионах и городах в Позднее средневековье им было разрешено вступать в цехи и создавать собственные, как, например, в Аугсбурге и Вюрцбурге в 1373, в Гамбурге в 1375, и особенно в южных регионах Священной Римской империи, где банщики относились к почтенному бюргерству. Так в Вене банщики проходили ремесленное обучение и объединялись в братство: имеются данные о существовании там цеха банщиков как минимум с начала XV в. [22]

В-третьих, банщиков и цирюльников не допускали в городской совет. [13, с. 93]

Но существуют, однако, и противоположные примеры, которые свидетельствуют о том, что в некоторых городах банщики имели право носить оружие. [21, с. 100, 4, с. 69], потомки банщиков без труда принимались в другие цехи [5, с. 65] и банщики, как, например, в позднесредневековом Цюрихе, обладали активным и пассивным выборным правом для всех городских должностей. [19, с. 13; 20, с. 138] Также в некоторых регионах не считалось «неприличным» жениться на дочери банщика. [13, с. 94] В этой связи следует обратить внимание, что репутация бесчестности от региона к региону и от цеха к цеху воспринималась по-разному, что исключает однозначную трактовку маргинальности для банщиков и цирюльников в Священной Римской империи в период Позднего средневековья.

В исторической литературе уже в 60-е гг. предпринимались попытки обнаружить более глубокие причины бесчестности определённых профессий, а табуизацию исследователи пытались объяснить магически-мифологическим первобытным пластом мышления. [5, с. 86] Но данный тезис не является бесспорным. Существует мнение о том, что причины бесчестности и социальной деградации коренятся скорее в социальной, а не религиозной сфере. [11, с. 72]

В Средневековье каждый мало-мальский значительный населённый пункт имел свою баню. Чаще всего они находились в общинно-коммунальной собственности и обслуживались банщиками. Сомнительная слава «бесчестности» и «позорности», с которой часто сталкивались банщики, могла быть связана также с тем, что в некоторых городах они должны были заниматься омовением покойников, как, например, было определено

в статуте банщиков города Ульма, действовавшего в период 1379-1538. [15, с. 68], а также с обвинением их в распущенности, аморальности, характерной для средневековых бань. [21, с. 135; 5, с. 68; 10, с. 50] Издавна бани считались «прибежищами легкомысленности», что восходит к языческим и античным традициям ритуальных общих бань. Практиковавшееся во многих городах исключение цирюльников и банщиков из цехов и наделение их статусом бесчестности было связано с общим недоверием теологов к телесному отдыху и внебрачным удовольствиям, а также с ассоциированием бани с борделем.

Ассоциирование деятельности банщиков с табуизированной «нечистой» является только одним из аспектов их маргинализации. Последняя могла также возникать из распространявшейся молвы, которая поначалу проявлялась в коллективном подозрении и затем могла подниматься до общей дискриминации и стигматизации всей профессиональной группы. Подобно ремеслу мельников и льноткачей банщики находились под подозрением получения дополнительных доходов за счёт нелегальной практики, например, путём похищения одежды и других ценных вещей у посетителей бань, либо путём предоставления за деньги банных каморок для эротических приключений. Банщикам, их жёнам и дочерям, но особенно прислуге (банщицам) приписывалась латентная склонность к распутству, а бани считались местами фривольного и греховного поведения.

К негативной морально-нравственной репутации ремесла банщиков не в последнюю очередь относится воспринимаемое отчасти как бесстыдное появление отдельных его членов в общественных местах. Банщики носили профессионально обусловленную лёгкую одежду и также иногда не стеснялись появляться в ней на улице. [7, с. 46; 14, с. 113] В Гамбурге, например, в 1375 помощникам банщиков (Badeknecht) строго предписывалось поворачивать водосточный камень перед домом только в длинных штанах (Martin A. Deutsches Badewesen in vergangenen Tagen nebst einem Beitrage zur Geschichte der Deutschen Wasserheilkunde. Jena: Eugen Diederichs, 1906. S.166), и согласно одному из предписаний в Бамберге 1480 г. ни банщики, ни их помощники не должны были появляться на улице босиком и без длинных брюк или длинной юбки [7, с. 362] Подобные требования действовали также в Позднее средневековье в Бреслау (Вроцлав). [16, с. 9; 20, с. 53]

Предвзвешенность и дискриминация обуславливали и взаимно усиливали друг друга. Уже минимальных признаков «нечистой» деятельности (соприкосновение с потом и кровью) в сочетании сомнительным с морально-нравственной точки зрения поведением (сводничество, попойки) было достаточно, чтобы процесс маргинализации был запущен в ход. Стереотипные представления о непристойных и распутных занятиях в банях, в которых предвзвешенность и дискриминация и деградация часто образовывали неразделимое единство, формировали маргинальную группу, которая, хотя и не повсеместно и не во все времена, стигматизировалась особым образом, прежде всего путём запрета брачных союзов, исключения из цехов, братств городских советов. [13, с. 97]

За «позорностью» определённой профессии стоит не в последнюю очередь религиозная конкуренция: христианство пыталось путём деградации до уровня «бесчестности» вытеснить старые религиозные обычаи, которые в дохристианские времена были тесно связаны с занятием определёнными профессиями. Подобная скрытая, глубинная напряжённость между старыми и новыми религиозными представлениями проявлялась в повседневной практике в частности в том, что банщики, цирюльники и ряд других профессий долгое время были вытеснены на общественную периферию.

Характеризуя социальный статус и пытаясь разобраться в причинах социальной деградации представителей данных профессий, следует обратить внимание, что их реальная практическая деятельность выходила далеко за рамки номинированных профессий, а именно: содержания бань, стрижки волос и бритья бород. Банщики и цирюльники в период европейского Средневековья и раннего нового времени были ремесленниками, занятыми в целом в сфере ухода за телом, лечения ран и даже хирургии. Они занимались лечением переломов костей, ампутациями, вырыванием зубов, кровопусканием, изготовлением мазей. Поэтому они часто идентифицировались также с хирургами и военными медиками. [21, с. 102, 127]

Занятие практической медициной в Средневековье относилось к сфере деятельности ремесленников-хирургов. В зависимости от региональных особенностей это были банщики, цирюльники или лекари-хирурги. Так английское обозначение для исторической профессии банщика звучит как „Barber-surgeon“, а французское „Barbier-chirurgien“. Поэтому разделить сферы деятельности лекарей, банщиков, цирюльников и брадобреев практически невозможно. [24]

При этом сферы деятельности хирургов-цирюльников и академических врачей-медиков были чётко отделены друг от друга. Речь шла о различии, которое существовало в те времена в лекарском деле, и которое вело к тому, что академические врачи занимались исключительно медикаментозным лечением без вреда для своей репутации, в то время как цирюльники-хирурги проводили кровавые операции, которые ставили под угрозу их репутацию, стигматизировали их как представителей «бесчестной» профессии. Разделение хирургии и медицины внутренних болезней, которой занимались академически образованные врачи, было результатом решений, принятых на Турском 1163 и IV Латеранском соборе 1215. [13, с. 102] Согласно решениям данных соборов, врачам с университетским образованием не разрешалось заниматься хирургией. Также монастырскому духовенству, действовавшему в сфере лекарского дела, было запрещено заниматься «кровавой» медициной, то есть вводился запрет на контакт с человеческой кровью. Положение «Ecclesia abhorret a sanguine» („Церковь испытывает отвращение перед кровью“) имело далеко идущие последствия не только для медицины. [23] Подоплёкой этому был, вероятно, тот факт, что в ходе и после хирургических вмешательств пациенты часто умирали, что противоречило духовному сану клерикальных врачей. [8, с. 85] В результате хирургия, как медицина более низкого порядка, была исключена из университетского образования и стала элементом ремесленной деятельности банщиков и брадобреев. То есть с этого момента существовали две медицинские профессии: хирурги-ремесленники и получившие

теоретическое университетское образование *physicus*, ставшие после сдачи экзамена докторами. Также как академические врачи не проводили хирургических вмешательств, так и лекарям-цирюльникам было запрещено заниматься терапией внутренних болезней.

Поэтому можно с уверенностью утверждать, что, прежде всего, хирургическая деятельность была одной из причин стигматизации цирюльников-хирургов. Например, известен случай в Кёльне, относящийся к 1485 г., когда мастера цеха ювелиров отказывались принять в цех сына цирюльника-лекаря по окончании его срока обучения. Здесь на первый план был выдвинут вопрос о том, занимался ли отец соответствующего ученика-ювелира лекарским делом, используя «медикаменты», или в качестве хирурга контактировал. [13, с. 102]

У цирюльников, также как и у банщиков, бесчестность вела кроме того к тому, что они в некоторых немецких городах не допускались в городские советы. Наиболее известный пример – борьба за пассивное избирательное право, которую вели брадобреи в Кёльне с начала XV в. и, которая закончилась лишь в XVII в. [1, с. 293]

Стремление цирюльников разорвать замкнутый круг бесчестности демонстрирует тот факт, что цеховые мастера-цирюльники в Кёльне в 1469 зарегистрировали в счётной городской книге всех мастеров, предоставивших подтверждение своего законного происхождения. [6, с. 213] Здесь очевидно стремление уравнивать свой статус с требованиями честности других цехов и освободиться от порока бесчестного происхождения, ведущего к стигматизации. Подобные попытки преодолеть маргинализацию в XV в. были характерны и для других немецких городов. [13, с. 99] Однако цеховые уставы и городские правовые нормы были различны в различных городах. Так, например, в Цюрихе цирюльники, которые вначале вместе с банщиками входили в цех кузнецов, уже в первой половине XIV в. получали место и голос в городском совете. В 1433 г. банщики и цирюльники вышли из цеха кузнецов и получили право посылать в Большой совет не двух, как ранее, а четырёх своих членов. [13, с. 99] В Базеле цирюльники были представлены в городском совете уже в 1370 г. как члены цеха брадобреев и живописцев. [18, с. 91] Также для территории Австрии, входившей в состав Священной Римской империи, плохая репутация банщиков и цирюльников не была характерна. На это не указывают ни цеховые статуты, ни свидетельства о рождении. То есть маргинализация данных профессиональных групп была характерна прежде всего для северонемецкого пространства. [21, с. 135]

Однако политическое признание в форме членства в городском совете не означало, что ремесло цирюльника раз и навсегда избавилось от репутации «бесчестности».

Рассматривая причины практиковавшейся в некоторых немецких городах стигматизации ремесла цирюльников и хирургов-лекарей, в литературе мы наталкиваемся, по сути, на одни и те же обоснования. Кроме указаний на профессиональную связь с пользующимся сомнительной славой ремеслом банщиков ссылаются так же на то, что хирурги-лекари имели контакт с пациентами, которые подвергаясь пыткам, соприкасались с палачом, подпадавшим под санкционированный обществом табуизированный запрет контакта. [9, с. 105; 7, с. 261]

Ещё более проблематична, на наш взгляд, попытка объяснить сомнительную репутацию ремесла цирюльников-лекарей сакральной функцией стрижки волос, являвшейся частью их профессиональной деятельности. [5, с. 86] Также не убедительна ссылка на моральное порицаемое поведение – знахарство-шарлатанство – отдельных представителей данного ремесла, которое порочило всё ремесло. [3, с. 84]

Таким образом, очевиден намёк на близость или соответствующие контакты лекарей-цирюльников с двумя пользующимися сомнительной репутацией профессиями, а именно, с палачам и банщикам. Ввиду данного факта не удивительно, что ремесленники цирюльники во многих городах стремились профессионально отделиться от банщиков и не допускать в свои цехи сыновей палачей. [14, с. 66-89; 12, с. 127]

К маргинализованному социальному положению так называемых «низких» врачебных профессий добавлялась сомнительная репутация бродячих лекарей, к которым относились также и бродячие хирурги. В Позднее средневековье бродячие лекари не пользовались особым уважением, о чём в частности свидетельствуют многочисленные латинские поговорки. Одна из них звучит так: «Каждый шарлатан, профан, еврей, монах, шпильман и каждая старуха выдают себя за врача». [13, с. 104] Но особенно в позднесредневековых шванках [17, с. 160-173] образ бродячего лекаря, посещавшего ярмарки, народные празднества по случаю освящения храма, мессы и купальни, был представлен весьма критически. Странствующие лекари – это пёстрая публика, к которой относились в том числе бродячие торговцы лекарствами, которые как коробейники снабжали людей в городе и деревне рвотными и слабительными средствами, всевозможными порошками, мазями, пластырями и т.д. [13, с. 104] Но особенно часто в шванках представлены так называемые *Quackalber* (знахарь, шарлатан), бродячие лекари и зубодёры. Среди них без сомнения были как искусные практикующие врачи, так и шарлатаны-обманщики. Поэтому, не удивительно, что лекари в позднесредневековой литературе представлялись, как правило, негативно. [13, с. 104] Но, очевидно, прежде всего высокая мобильность странствующих знахарей вызывала у современников подозрение и недоверие, так как они не имели постоянного места жительства, переходили от одного населённого пункта к другому, часто сопровождаемые шутами и фиглярами, и проводили хирургические вмешательства на ярмарках на открытых трибунах перед собравшейся публикой. В данном случае это было нарушение определённых общественных норм и представлений, театрализованное ремесло, имеющее дурную репутацию, а не цеховой кодекс чести, который обосновывал бесчестность. [13, с. 105]

Таким образом, в целом, социальный статус ремесленников-хирургов и лекарей был в Позднее средневековье весьма низким. [13, с. 109] Социальная мобильность цирюльников-лекарей и банщиков была ориентирована «вниз». Иными словами: «типичный» цирюльник или банщик имел социальные, в том числе брачные, связи либо с равными себе по статусу, либо с экономически хуже ситуированными представителями других ремёсел.

Это связано также и с вопросом о средневековом понимании физического, ручного труда, согласно которому работа с «чистыми» материалами не считалась деградирующей, а с нечистыми в их средневековой интерпретации являлась социально маргинализирующей. То есть, чем более неблагородным был материал, с которым имели дело, тем ниже было социальное положение того, кто его обрабатывал или с ним контактировал.

Таким образом, стереотипное восприятие «низкого» лекарского ремесла в целом и социального и экономического положения ремесла банщиков и цирюльников в частности показывает, что в отношении этих профессиональных групп речь не может идти о чётком разделении «честного» и «бесчестного» в позднесредневековой корпоративной системе.

Средневековые не знали чёткой системы соотнесения понятий, которая создавала бы независимо от региона и группы устойчивое понятие бесчестности, которое демонстрирует наслонение различных систем формирования социальных маргинализирующих клише. Если дефинировать средневековые маргинальные группы как те гетерогенные группы лиц, которые в результате негативных общественных атрибуций подвергались частичной или полной утрате своего социального уважения, своей «чести», что вторичном уровне сопровождалась ограничением юридически гарантированной свободы действий, то мы приходим к выводу, что банщики и цирюльники не относились к маргинальным группам в собственном смысле слова, хотя обе профессии в известной степени социально были ближе определённому чётко маргинализованному кругу лиц, например, палачам и живодёрам, чем другие ремесленники. Кроме того, не следует упускать из виду и то, что бесчестность была только формой проявления маргинальности в доиндустриальном обществе Западной Европы и, что те же факторы, которые в одних городах и регионах вели к социальной стигматизации таких профессиональных групп как банщики и цирюльники, в других городах и регионах эти же факторы оказывали незначительное влияние на их социальный статус.

Литература

1. Akten zur Geschichte der Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert / Bearb. von Stein W. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde 10). Bd.I. Bonn: Behrendt, 1893. 769 S.
2. Auer F. Das Stadtrecht von München. München: Verlag Literarisch-Artistische Anstalt, 1840. 376 S.
3. Beneke O. Von unehrlichen Leuten: Cultuhistorische Studien und Geschichten aus vergangenen Tagen deutscher Gewerbe und Dienste. 2 Aufl. Berlin: W. Hertz, 1889. 360 S.
4. Borner H. Die Geschichte des Amtes der Barbieri und Chirurgen in der freien Hansestadt Lübeck. Thesis/Dissertation. Berlin: Michel, 1934. 83 S.
5. Danckert W. Unehrlische Leute: Die verfeimten Berufe. Bern/München: Francke, 1963. 294 S.
6. Die Kölner Zunfturkunden nebst anderen Kölner gewerbeurkunden bis zum Jahre 1500/ Bearb. Loesch H. Bonn: P. Hanstein, 1907. 480 S.
7. Duerr H. P. Nacktheit und Scham. Der Mythos vom Zivilisationsprozeß. Band 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 362 S.
8. Flamm H., Mazakarini K. Bader, Wundarzt, Medicus: Heilkunst in Klosterneuburg. Klosterneuburg: Klosterneuburger Kulturgesellschaft, 1996. 137 S.
9. Friess G. E.: Unehrlische Leute in Österreich// Blätter des Vereins für Landeskunde von Niederösterreich.N.F. 29. Wien: Verlag des Vereines für Landeskunde von Niederösterreich. 1895. 91-129 S.
10. Gutsche W. Geschichte der Bader und Barbieri in Erfurt. T. 1. Das Mittelalter. Erfurt: Gutenberg-Druckerei G. Stolzenberg, 1957. 138 S.
11. Hartung W. Gesellschaftliche Randgruppen im Spätmittelalter. Phänomen und Begriff // Städtische Randgruppen und Minderheiten (Stadt in der Geschichte 13) / Hrsg. Kirchgaßner B., Reuter F.. Sigmaringen: Thorbecke, 1986. 49-114 S.
12. Jütte R. Ärzte, Heiler und Patienten: Medizinischer Alltag in der frühen Neuzeit. München/ Zürich: Artemis & Winkler, 1991. 295 S.
13. Jütte R. Bader, Barbieri und Hebammen. Heilkunde als randgruppen? // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft / Hrsg. von Hergemoeller B.-J. Neu bearb. Ausg. Warendorf: Fahlbusch, 2001. 90-121 S.
14. Jütte R. Stigma-Symbole. Kleidung als Identitätsstiftendes Merkmal bei spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Randgruppen (Juden, Dirnen, Auswärtige, Bettler) // Zwischen Sein und Schein. Kleidung und Identität in der ständischen Gesellschaft. Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. Hrsg. von Bulst N., Jütte R. Bd. 44. Freiburg [Breisgau] / München: Albatros, 1993. S. 65-89.
15. Martin A. Deutsches Badewesen in vergangenen Tagen nebst einem Beitrage zur Geschichte der Deutschen Wasserheilkunde. Jena: Eugen Diederichs, 1906. 438 S.
16. Rudeck W. Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland. Berlin: H. Barsdorf, 1905. 514 S.
17. Sauerbeck K. Otto. Ärzte, Heiler und Patientenschelte im alten Nürnberg: Hans Sachs und die Ärzte // Sudhoffs Archiv. Bd. 77, H. 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. S. 160-173.
18. Steiner G. Zunft zum goldenen Stern als Zunft der Wundärzte und Scherer in Basel. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1956. 104 S.
19. Wehrli G. A. Die Wundärzte und Bader Zürichs als zünftige Organisation: Geschichte der Gesellschaft zum Schwarzen Garten. Zürich: A. G. Leemann, 1931. 134 S.
20. Widmann M., Mörgeli C. Bader und Wundarzt: medizinisches Handwerk in vergangenen Tagen. Zürich: Medizinhistorisches Institut der Universität Zürich, 1998. 184 S.
21. Zappert C. Über das Badewesen mittelalterlicher und späterer Zeit // In Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen, 21. Wien: Kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1859. 166 S.
22. <http://de.wikipedia.org/wiki/Bader>. Дата доступа: 24.11.2012

23. [http://de.wikipedia.org/wiki/Konzil_von_Tours_\(1163\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Konzil_von_Tours_(1163)). Дата доступа: 24.11.2012
24. <http://de.wikipedia.org/wiki/Wundarzt>. Дата доступа: 24.11.2012

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ